

**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ
МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА • ЕЖЕГОДНИК • 2020–2021

Москва – Томск

Издательство Томского государственного университета

2021

УДК 32
ББК 66
М74

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А. И. СОЛОВЬЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
О. В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, В. А. ГУТОРОВ, Б. Г. КАПУСТИН, О. Ю. МАЛИНОВА,
А. И. НИКИТИН, Ю. С. ПИВОВАРОВ, С. В. ПАТРУШЕВ, А. К. СОРОКИН,
Л. А. ФАДЕЕВА, К. Г. ХОЛОДКОВСКИЙ, А. И. ЩЕРБИНИН

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор социологических наук, профессор М. М. МЧЕДЛОВА
доктор политических наук, профессор Л. Н. ТИМОФЕЕВА

Мозаичное поле мировой и российской публичной политики.
М74 **Политическая наука: Ежегодник 2020–2021** / Российская
Ассоциация политической науки ; [под ред. О. В. Гаман-
Голутвиной, А. И. Соловьева, А. И. Щербинина]. – Москва ;
Томск : Издательство Томского государственного
университета, 2021. – 438 с.
ISBN 978-5-907442-46-7

В очередном Ежегоднике РАПН представлены статьи, освещающие широкий круг проблем, демонстрирующих различные грани публичной политики, разворачивающейся в пространстве национального государства и мировой политики: вопросы методологического характера, цифровизации государственного управления, борьбы с пандемией, взаимоотношений РФ с Евросоюзом и КНР, а также иные актуальные проблемы современного политического развития.

Для политологов и всех интересующихся проблемами публичной политики.

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-907442-46-7

© Российская Ассоциация политической науки, 2021
© Томский государственный университет, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
РАЗДЕЛ I. ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В АРЕАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	
Сморгунов Л. В. Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий	9
Соловьев А. И. Правящие режимы и политические квази системы. Методологические аспекты	34
Глухова А. В. Либеральная демократия versus авторитарный популизм: новые арены соперничества политических систем	51
Заславский С. Е. Партийная система России в электоральном цикле 2021 года: конфигурация и линии конкуренции	78
Михайлова О. В. Оценка эффективности сетевого взаимодействия в государственном управлении: возможности и вызовы	88
Осколков П. В. Модели этнополитики: попытка типологизации	103
Полунов А. Ю. Роль этнических факторов в формировании общероссийской гражданской идентичности	121
Данилова Е. А. Формирование стратегии национального брендинга РФ в области обороны и обеспечения национальной безопасности: акторы, технологии, практики	132
Бирюков С. В. Трансформация либерального право-популистского дискурсов в условиях ситуации пандемии коронавируса: выбор национальных элит	143
Алейников А. В., Мальцева Д. А. Конфликтная политизация риск-рефлексий в условиях коронакризиса	171
Шаповалов Л. В., Брод А. С. Формирование и регистрация партийных списков: российский и зарубежный опыт	190

SCHCERBININ A., SCHCERBININA N., SENTSOV A. Siberian Frontier as history, model and guideline for the future	213
--	-----

РАЗДЕЛ 2. ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: КОНЦЕПТЫ, ПРАКТИКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ГАМАН-ГОЛУТВИНА О. В., ЦЕРОВИЧ М. А. Доминантные траектории сотрудничества ЕС и КНР	227
---	-----

БАХЛОВА О. В., БАХЛОВ И. В. Вызовы и возможности союзного государства Белоруссии и России в повестке политического сообщества	243
---	-----

ШИЛОВСКИЙ Р. С. Протестный потенциал российской и белорусской молодежи в цифровом пространстве в период пандемии коронавируса (на основе сетевого анализа)	271
--	-----

РУДАСЬ А. В. Политические риски российско-польских отношений в контексте украинского кризиса	283
--	-----

ЗУДИН А. Ю., ЛУЦКАЯ А. А. Бизнес и государство в Германии: как изменилась модель взаимодействия? Консультации без «посторонних»	303
---	-----

КАЗАРИНОВА Д. Б. Эволюция понятия «культурная война» в западной политической мысли	333
--	-----

КАЛАЧЕВА Е. С. Спичрайтеры Белого Дома: малоизученные аспекты политической деятельности	350
---	-----

РОГОЖИНА К.А. Научная дипломатия как объект исследований в современной политической науке	373
---	-----

СИЛАКОВА И. В. Количественная и качественная динамика репрезентации темы научной дипломатии в социальных медиа на протяжении периода 2011–2021 гг.	399
---	-----

РАЗДЕЛ 3. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

ДАХИН А. В. Отечественная политическая регионалистика в контексте становления единой системы публичной власти в России: транзит концепций и практик	411
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	435
---------------------------	-----

ТРИ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Аннотация. Цифровые технологии обладают трансформационным потенциалом. Однако это проявляется не напрямую, а в системе социотехнических ассамбляжей, возникающих в процессе современной цифровизации государственного управления. Неотъемлемые технологические возможности новых ИКТ ведут к следующим изменениям в государственном управлении: горизонтализация, детерриториализация и виртуализация. Как эти изменения влияют на государственное управление? В современных схемах административных реформ под флагом цифровизации три упомянутых выше процесса выражаются в децентрализации, создании сетей и бесконтактном взаимодействии. Тем не менее, эти изменения в государственном управлении можно рассматривать двояко. Одни подходы касаются влияния независимых (цифровых технологий) на зависимые (результаты реформ) переменные. Другие позволяет рассмотреть происходящие изменения в перспективе проектирования социотехнических ассамбляжей. Используя методологию конструктивизма для анализа цифровых трансформаций в различных странах-пионерах цифровизации (Сингапур, Эстония и Финляндия), исследование демонстрирует различные стратегии создания объединений в государственном управлении – технократический, культурный и рыночный подходы. Эти три стратегии подчиняются различным принципам организации общественного координационного пространства в совокупности – юзабилити, интерпретативной оценке (ценность) и коммодификации.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Ключевые слова: социотехнические ассамбляжи, государственное управление, административная реформа, цифровизация, технократический подход, рыночный подход, культурный подход

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация государственного управления в эпоху четвертой промышленной революции¹ позволяет улучшить управление, делая его более прозрачным, ответственным, инклюзивным и гибким. В значительной степени это связано с реконfigurацией сетевых конструкций и с новыми сетевыми эффектами, возникающими в результате платформенной организации его функционирования. Порталы электронного правительства становятся «узкими» для развития технологий, предоставляя новые возможности для государственного управления и политики, не только по форме, но и по содержанию. В то же время набирает силу движение за «электронное правительство 4.0», ломающее старые привычные формы взаимодействия между государством и обществом.

Некоторые исследователи говорят, что необходимо отказаться от прилагательного «электронный» при описании структуры и деятельности государственных органов и говорить либо просто о «правительстве 4.0», либо сосредоточиться на его новых механизмах и культуре взаимодействия с гражданами, используя термин «правительство, ориентированное на граждан»². Этот переход связан с технологической и политической основами современных структур координации взаимодействия³. В частности, следует отметить, что понятие «платформа»⁴ характеризует не только важ-

¹ Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Penguin, NY, 2017.

² Eriksson K., Vogt H. 'On self-service democracy: configurations of individualizing governance and self-directed citizenship' // *European Journal of Social Theory*. 2013. Vol. 16, No. 2.

³ Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and – How to Make Them Work for You*. New York; London: W. W. Norton & Company, 2016.

⁴ Dais A., Nikolaidou M., Alexopoulou N., Anagnostopoulos D. *Introducing a public agency networking platform towards supporting connected governance* // *Electronic Government* / eds. by M. Wimmer et al. Berlin: Springer, 2008; Gillespie T. *The*

ность открытых и нейтральных средств коммуникации, но и публичной основы для формирования политических сетей.

Внедрение платформенных сетей в экономику и политику, основанных на цифровых технологиях, поставило под сомнение традиционные формы управления системой, связанные с централизацией, использованием репрезентации, обратной связи и поддержанием равновесия с окружающей средой. Ответом на проблему стал широкий спектр решений, обеспечивающих управляемость: от анархистских (без Левиафана) до неолиберальных (контроль), республиканских (господство) и фукодианских (дисциплина, подчинение). В связи с этим остается открытым вопрос о том, как использование платформ повлияет на управляемость. Однако очевидно, что платформы не являются нейтральным средством организации государственного управления. В процессе трансформации электронного правительства из порталов в платформы проявилась политическая природа возможных вариантов использования государства как платформы¹. Узкий технологический подход к платформам позволил только повысить эффективность предоставления услуг. В более широкой интерпретации говорилось об изменении государственной политики, которая стала характеризоваться такими чертами, как ориентация на включение граждан, сотрудничество основных заинтересованных сторон в выработке государственных решений и дискурсивная практика определения повестки дня. Кроме того, «сотрудничество может теперь привести к новой роли государства: государство, которое скорее поз-

politics of 'platforms // *New Media & Society*. 2010. Vol. 12, No. 3; *O'Reilly T.* Government as a platform // *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* / eds. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif: O'Reilly Media, 2010; *Knox C.* Public administrators' use of social media platforms: overcoming the legitimacy dilemma? // *Administration and Society*. 2016. Vol. 48, No. 4.

¹ *Gberevbie D. E., Ayo Ch. K., Iyoha F. O., Duruji M. M., Abasilim U. D.* Electronic governance platform: towards overcoming the challenges of non-inclusion of citizens in public policy formulation and implementation in Nigeria // *International Journal of Electronic Governance*. 2018. Vol. 10, No. 1; *Castelnuovo W., Sorrentino M.* The digital government imperative: a contextaware perspective // *Public Management Review*. 2018. Vol. 20, No. 5.

воляет расширять возможности для социального создания ценностей своими гражданами»¹.

Идея государства как платформы, выдвинутая Тимом О'Рейли², получила международную поддержку. Во многих странах она приобрела черты практической идеи и была принята как основа соответствующих административных реформ. Эта идея получила поддержку в России. Причастность России к использованию электронных технологий иногда описывается как способность системы повышать уровень управления посредством контроля, что приводит к непреднамеренному цифровому авторитаризму³. Следует отметить, что снижение свобод, наблюдаемое в ряде значительных стран с либеральными демократиями за последние 14 лет, как было зафиксировано Freedom House в 2020 г.⁴, имеет разительную корреляцию с ростом использования цифровых технологий в политических целях в этих странах. Хотя этот вопрос требует дополнительного изучения, прежде чем можно будет сделать твердые выводы, можно предположить, что снижение демократических последствий не является решающим фактором.

Что касается платформ, то, на наш взгляд, часто их использование основано на технологическом оптимизме и не учитывает сложную структуру государственного управления. Платформа, конечно же, является технологически продвинутым инструментом и базой для использования больших данных с рядом приложений. Однако платформа – это не только технология, но и удобная основа для представления государства как базы гражданской активности. В этом отношении идея государства как платформы не может

¹ *Al-Ani A.* Government as a platform: services, participation and policies // *Digital Transformation in Journalism and News Media* / eds. by M. Friedrichsen et al. Media Business and Innovation, Springer, Cham, 2017. P. 188.

² *O'Reilly T.* Government as a platform // *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* / eds. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif: O'Reilly Media, 2010; O'Reilly T. *What's the Future and Why It's up to Us*. London: Penguin Random House, 2017.

³ *Morgus R.* The spread of Russia's digital authoritarianism // *Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order* / ed. by N. D. Wright. Air University Press, Maxwell Air Force Base, AL, 2019.

⁴ *Freedom in the World 2020. A Leaderless Struggle for Democracy*. Washington, DC: Freedom House, 2020.

быть эффективно реализована вне социальных и политических контекстов. Эта статья обращает внимание на идею платформы, как в технологическом, так и в социально-политическом смысле; описывает использование новых технологий в процессе внедрения электронного правительства; раскрывает основное содержание технологического взгляда на идею государства как платформы; описывает некоторые области критики технократического использования этой концепции. Также рассматриваются рыночная и культурологическая стратегия цифровизации публичного пространства и управления. В основе этих тем для обсуждения используются международная литература и источники данных.

ПЛАТФОРМЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В настоящее время функционирование электронного правительства лишь частично организовано в интернет-порталах, то есть сложных электронных средствах, обеспечивающих реализацию ряда государственных функций и услуг для граждан. Интернет-порталы обеспечивают поиск и сбор информации, взаимодействие граждан и организаций с органами государственной власти, мероприятия для граждан и организаций, оказание государственных услуг. Интернет-платформы представляют собой более сложные электронные инструменты, которые предоставляют не только услуги, но и участие граждан в выборе государственных услуг и влияют на процесс принятия решений¹. Если использовать прямое значение концепции платформы как набора ИКТ 2.0, ориентированного на использование системы веб-приложений на одном сервере для интерактивности и личного участия, современное государственное управление включает такие технологии под лозунгом развития «способности сотрудничать». В этом смысле электронные платформы являются открытым и техническим средством гармонизации взаимоотношений в системе государственного управления. В целом внимание обращается на такие характеристи-

¹ *O'Reilly T. Government as a platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / eds. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif: O'Reilly Media, 2010.*

ки электронных платформ, как свободная структура политических возможностей для участия, популистская направленность политики открытости, эгалитарное участие, стимулирование инноваций, сотрудничество, которые являются результатами технологической доступности для человеческих отношений взаимности.

Электронное правительство теперь обладает характеристиками, которые способствуют развитию демократии в самом широком смысле этого слова, включая участие граждан почти в повседневной деятельности государства и в предоставлении общественных услуг. В связи с этим электронное правительство становится основой сетевого взаимодействия граждан, гражданско-общества и бизнес-ассоциаций с государством в различных сферах общественной деятельности. На данном этапе это важно оценить электронное участие граждан через различные сайты такого электронного правительства. Как правильно пишут Кей Эрикссон и Генри Фогт, «движение электронного правительства» не только изменило управление, но и решительно повлияло на нашу политическую идентичность. Новые электронные каналы создают привлекательную среду для нового типа взаимодействия между правительством и гражданами. Новые цифровые формы политики и управления включают сетевые входы для организации всей правительственной информации и государственных услуг в соответствии с потребностями и интересами определенных слоев населения. Этот подход «одного окна» основан на концепции самообслуживания с требованием от пользователей стать более активными и самоуправляемыми¹. Есть три основных области изучения управления на основе платформ. Один из них направлен на формирование особой экологии взаимодействия между платформами и человеческими агентами в системе государственного управления². Аффордансы – относительная

¹ Eriksson K., Vogt H. On self-service democracy: configurations of individualizing governance and self-directed citizenship // *European Journal of Social Theory*. 2013. Vol. 16, No. 2.

² Van Dijk J., Ziegler M., Nooijer de L., Reichart G.-J., Xuan Ch., Ducassou E., Bernasconi S., Lourens L. A saltier glacial Mediterranean outflow // *Paleoceanography and paleoclimatology*. 2018. Vol. 33, No. 2.

характеристика зарождающейся техноэкологии. Второе направление указывает на значительную роль алгоритмов и искусственного интеллекта в процессах управления платформами¹. Рассматривая алгоритмы как специфическую систему норм, исследователи обращают внимание на координирующую функцию алгоритмического управления. Соответственно, различные формы аффордансов рассматриваются ими как свойства структуры и архитектуры алгоритмического управления. Третье направление исследований включает роль компаний, производящих технологии цифрового правительства, в области политики цифровизации правительства. Хотя тема аффордансов подчинена политической роли информационных компаний, возможность демократического или авторитарного структурного содержания алгоритмов и интерфейсов имеет особое значение. При описании платформ и возможностей мы будем следовать некоторой комплексной стратегии исследования, подчеркивая, что доступность в системах совместного управления определяется всеми тремя условиями цифрового управления – техноэкологией, алгоритмами и политиками цифровизации.

Платформы – это технические и информационные условия для повышения самоорганизации сообществ, формируемых в сети. Однако их качество определяется определенными условиями, связанными с ориентацией алгоритмов на обеспечение взаимодействия в форме сотрудничества, то есть возможности технологии как посредника, а не как простого проводника. Различие между проводниками и посредниками, проведенное Бруно Латуром по отношению к вещам-посредникам², состоит в том, что проводники представляют собой простые структуры для передачи информации между агентами действия, в то время как посредники имеют свои собственные политики для связывающих агентов.

Акторно-сетевая теория Бруно Латура отличается от теории ассамбляжей Деланда³. Ассамбляж – это термин, введенный фи-

¹ Gillespie T. The politics of 'platforms' // *New Media & Society*. 2010. Vol. 12, No. 3.

² Latour B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory.*, New York: Cambridge University Press, 2005.

³ DeLanda M. *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

лософами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в 1970–1980-х гг. и сейчас становится все более распространенным применительно к взаимодействию социальных и технических объектов. В самом общем смысле ассамбляж понимается как совокупность элементов принципиально разной природы, объединенных совместным функционированием¹. Однако то, что их объединяет, – это поиск включения вещей (включая технологии) в процесс взаимодействия с людьми. ДеЛанда предлагает два критерия ассамбляжей. Первый – это наличие обратной причинности. Ассамбляж способен влиять на свои части, определять формы их существования. Второй критерий, тесно связанный с первым, – это суррогатная причинность. Ассамбляж состоит из множества предметов, но ни один предмет не должен быть незаменимым, по крайней мере, в определенном диапазоне структурной организации. Организм состоит из миллиардов частиц, но каждая из них, несмотря на своеобразную историю существования, не незаменима. Существующий ассамбляж является историческим образованием, каждая из частиц которого необходима, но недостаточна для обеспечения постоянной статики объекта².

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Уровни радикальной критики непреднамеренного цифрового авторитаризма, как правило, основаны на новых тенденциях, проявляющихся в развитии информационных технологий, а также в политике и обществе в этом столетии. Этот «авторитаризм» не предполагает реформирования административной системы и обычно сопровождается чрезмерным технологическим оптимизмом, тенденциями централизации в управлении, внедрением технологий, наблюдением и усилением алгоритмической управляемости. Алгоритмическая управляемость основана на предпосылке разработки алгоритма для решения четко определенных проблем. Как и большинство компьютерных ученых и програм-

¹ *Deleuze G., Parnet C. Dialogues II. London; New York: Continuum, 2006.*

² *Ukhin M. S. Assamblage Recombining: Postcapitalist technology Optics // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2020. No. 1.*

мистов, технологические оптимисты верят, что алгоритмы на самом базовом уровне представляют собой набор инструкций, используемых для решения четко определенной проблемы. Алгоритмы обычно выражают вычислительное решение в терминах логических условий (информации о проблеме) и управляющих структур (стратегии решения проблемы), что приводит к следующему определению: алгоритмы равны логике управлению¹. Следовательно, их понимание открытости общества переменам и неопределенности в его развитии сводится к поиску границ разнообразия, т.е. к информации. В этом процессе нет ориентации на обсуждение и общение. Конечно, многие из этих тенденций проявились уже в конце прошлого века, но их важность стала очевидной только недавно. Эти проявления также лежат в основе тенденции критики идеи государства как платформы.

Инициатива Сингапура «Smart Nation» (2014 г.) является прекрасным примером этой технократической тенденции использования цифровых технологий. Используя тематические исследования умного дома и движения «учиться кодировать» в сингапурском контексте, Эзра Хо подчеркивает пределы таких «умных» вмешательств, поскольку они находятся в неолиберальной логике развития государства, что способствует авторитарной консолидации в Сингапуре². Как заявил премьер-министр Ли Сянь Лун, открывая «Smart Nation» 24 ноября 2014 г., «забегая вперед, мы должны стремиться стать выдающимся городом в мире. Замечательное место для жизни, работы и развлечений людей, где процветает человеческий дух. Наше видение заключается в том, чтобы Сингапур был умной нацией – страной, в которой люди живут осмысленной и полноценной жизнью, органично реализуемой с помощью технологий, предлагающей захватывающие возможности для всех. Мы должны видеть это в нашей повседневной жизни, где сети датчиков и интеллектуальных устройств позволяют нам жить устойчиво и комфортно. Мы

¹ *Introna L.* Algorithms, governance, and governmentality: on governing academic writing // *Science, Technology, & Human Values*. 2016. Vol. 41, No. 1.

² *Ho E.* Smart subjects for a Smart Nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54 (13).

должны увидеть это в наших сообществах, где технологии позволят большему количеству людей более легко и интенсивно связываться друг с другом. Мы должны увидеть это в нашем будущем, где мы сможем создать для себя возможности, превосходящие то, что мы могли себе представить»¹.

История Сингапура претерпела две успешные трансформации в ответ на призывы к цифровым технологиям. В 1981 г. был создан Национальный компьютерный совет (NCB), чтобы возглавить эти усилия, обнародовав первый план Сингапура в области ИКТ, «Национальный план ИТ» в 1986 г.² С помощью национальной компьютеризации с 1980-х до начала 1990-х гг. Сингапур стал региональным центром разработки компьютерного программного обеспечения и услуг. С ростом телекоммуникационной отрасли с середины 1990-х до начала 2010-х гг. Сингапур стал центром сети цифровых услуг.

Основной платформой для организации государственного управления в Сингапуре является Core Operations Development Environment and eXchange (CODEX). Это позволяет правительству предоставлять гражданам более качественные цифровые услуги быстрее и с меньшими затратами. В соответствии с основными направлениями реформы платформа включает следующее: (1) архитектура государственных данных для общих стандартов и форматов данных, которая лучше обеспечивает беспрепятственный обмен данными между агентствами; (2) систематический перенос менее чувствительных государственных систем и данных в коммерческое облако, что позволяет использовать передовые возможности частного сектора для разработки цифровых услуг; (3) технологический стек правительства Сингапура (SGTS), состоящий из набора общих программных компонентов и инфраструктуры, позволяющих более эффективно и целенаправленно создавать цифровые приложения.

Платформа основана на системе больших данных, которая используется многократно используемыми цифровыми компо-

¹ Prime Minister Lee Hsien Long. Smart Nation launch. 24 November, 2014.

² Ho E. Smart subjects for a Smart Nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // Urban Studies. 2017. Vol. 54 (13).

нентами, включая машиночитаемые потоки данных, промежуточное ПО и микросервисы. По мере развития, как рассматривают реформаторы, эта система будет совместно использоваться агентствами, чтобы все участники могли задействовать эти ресурсы и сосредоточить свое время и энергию на создании продуктов, которые лучше служат общественным интересам. Три важных компонента поддерживают работу платформы. Это хостинговые платформы, которые гарантируют, что агенты используют коммерческие облачные ресурсы самым безопасным способом. Это – программные услуги для быстрой разработки, развертывания, мониторинга и оценки. Третий важный компонент – лаборатория микросервисов, которая позволяет агентствам использовать ряд приложений, таких как, например, аутентификация пользователя. Все системы обеспечиваются условиями кибербезопасности и стандартизации.

Платформа в целом, как считается, нацелена на создание преимуществ для цифровых компонентов, используемых в электронном виде, включая машиночитаемые потоки данных, промежуточное программное обеспечение и микросервисы, которые будут совместно использоваться агентствами, чтобы разработчики могли подключиться к этим ресурсам и сосредоточить свои время и силы на создание продуктов, которые лучше служат обществу; принятие общих инструментов и стандартов в правительстве и поставщиками уменьшит количество ошибок и повысит качество, надежность и безопасность услуг; правительство может использовать возможности коммерческого облака в плане масштабируемости и надежности, а также программные услуги и инструменты; это помогает государственному и частному секторам работать вместе для разработки более ориентированных на пользователя услуг для граждан¹.

В самом автономном правительстве были внесены существенные изменения, связанные с централизацией управления умной нацией. В результате в мае 2017 г. была создана группа «Умная нация и цифровое правительство» (SNDGG). Созданная

¹ См.: URL: <https://www.smartnation.gov.sg/what-issmart-nation/initiatives/Strategic-National-Projects/codex>.

при канцелярии премьер-министра, SNDGG была зонтичным учреждением, в котором размещались различные подразделения и агентства, участвующие в инициативе Smart Nation. В их число входили недавно созданное Управление Smart Nation и цифрового правительства (SNDGO) и Государственное технологическое агентство Сингапура (GovTech). В то время как SNDGO было, по существу, поручено сформулировать различные политические инициативы Smart Nation, GovTech реализовало эти инициативы. SNDGO объединил сотрудников из офиса программы Smart Nation, Управления цифрового правительства Министерства финансов и Департамента государственной технологической политики Министерства связи и информации¹.

Инициативы «Smart Nation» привели к определенным успехам в сферах эффективности государственного управления, организации транспортной системы, жилищного строительства и развития здравоохранения. Однако, сфокусированная на технологических инициативах, стимулируемых государством, эта программа также выявила ряд противоречий и ограничений, которые исследователи просто связывают с технократической тенденцией в ее реализации и развитии. Эти цифровые инициативы вызывают слабую общественную реакцию, в целом инертное отношение к умной нации. Активная централизующая роль правительства в регулировании цифровизации привела к тому, что последнее не было сосредоточено на инициативе пользователей, на том, что составляет центр цифрового правительства и цифровых услуг – на предоставлении услуг, мотивированных гражданами. В основном, «Отдавая должное городу-государству за скорость его развития... республика ограничивает плюрализм, который напрямую влияет на инициативы э-управления»². Тенденции централизации в правительстве, связанные с управлением

¹ Prime Minister's Office Singapore "Formation of The Smart Nation and Digital Government Group in the Prime Minister's Office" // Press Release. Singapore: Prime Minister's Office Singapore, 2017. URL: <http://www.pmo.gov.sg/newsroom/formation-smart-nation-and-digital-government-group-primeminister%E2%80%99s-office>.

² *Sriramesh K., Rivera-Sanchez M.* E-government in a corporatist, communitarian society: the case of Singapore // *New media & society*. 2006. Vol. 8 (5). P. 707–730. DOI: 10.1177/1461444806065661.

политикой цифровизации, оттолкнули частный сектор от активного участия и ослабили тенденцию к многостороннему подходу к управлению сетью¹. Более того, следует отметить, что вся программа осуществляется без учета социального и политического контекста Сингапура. «Такие разработки, – как пишут Лили Конг и Орландо Вудс², – избегают интеграции с ранее существовавшими городскими формами и отделены от социальной, политической и культурной среды, в которой технологии, которые они возвещают, будут встроены. Таким образом, такие лаборатории разрабатывают технологии в социально-пространственном вакууме, в результате чего основное внимание уделяется технологиям, а не контексту, в котором они применяются». В центре государственной политики находится идея повышения способности населения использовать (удобство использования) цифровые платформы, а не их адаптация к меняющимся ценностно-качественным характеристикам граждан. В этом случае цифровизация выступает как внешняя необходимость, а не желание. Как отметил один из участников социального опроса, «все необходимо. Все, что мне нужно. *Но нам нужно думать дальше, чтобы найти баланс между необходимостью и желанием иметь.* Итак, когда вы взвешиваете, взвешиваете, взвешиваете, так или иначе, большинство вещей, которые вам нужны, – это необходимость. Без этого не обойтись»³.

РЫНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В ходе административных реформ, основанных на идеологии нового государственного менеджмента (НГМ), идеи электронизации управления не всегда были центральными. В движении за реализацию НГМ дискуссия была связана с двумя ориентация-

¹ Tan W. The Big Read: Speed Bumps Hinder Singapore's Smart Nation Drive // TODAYonline. April 14, 2017. P. 25. URL: <http://m.todayonline.com/singapore/big-read-speed-bumps-hinder-singapores-smart-nation-drive>.

² Kong L., Woods O. The ideological alignment of smart urbanism in Singapore: Critical reflections on a political paradox // Urban Studies. 2018. Vol. 55 (4). P. 685.

³ Ho E. Smart subjects for a Smart Nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // Urban Studies. 2017. Vol. 54 (13).

ми: является ли оно инструментом решения задач реформы, или оно требует реформирования государственного управления в целом. Для сторонников практического применения электронного правительства все это было лишь дополнительным концептуальным и практическим средством для НГМ и реформ, основанных на нем. Некоторые авторитетные эксперты говорят, что НГМ мало повлиял на интерес к новым информационным технологиям. Только его фактическая смерть как влиятельной идеологии позволила говорить о переходе к эпохе цифрового управления (*digital-era management*)¹.

Программа по представлению государства как платформы фокусируется в первую очередь на идеологии НГМ с ее центральным принципом «сделать правительство эффективным и дешевым». В значительной степени это означает, что с помощью электронного правительства можно более эффективно и с меньшими затратами предоставлять общественные услуги гражданам и предприятиям. Неслучайно основной задачей внедрения электронного правительства во многих странах было быстрое использование государственных порталов для предоставления наиболее значительного количества услуг. В целом эта задача оказалась выполнимой, а возможные услуги с использованием Интернета оказались качественными, дешевыми и быстрыми. Однако, естественно, в этом процессе были сложности и проблемы. Оказалось, что потребительский подход к электронному правительству страдает множеством недостатков, как и идеология НГМ. В целом, никто особо не оспаривал осуществимость электронных услуг, и было сказано, что этого акцента недостаточно при рассмотрении возможностей новых ИКТ и Интернета. Среди этих критиков особенно много было тех, кто рассматривал функции правительства по предоставлению услуг и его отношения с гражданами через социально-политическую призму. Эндрю Чедвик и Кристофер Мэй указывают на ограниченный характер отношения правительства и граждан, когда последние

¹ *Dunleavy P., Margetta H., Bastow S., Tinkler J.* New public management is dead – long live digital-era governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2017. Vol. 16, No. 3.

действуют как «клиенты» государства. ИКТ улучшат предоставление услуг с более точным адресным общением с гражданами и более быстрым ответом [на них], но демократическая возможность такого общения обычно игнорируется. В центре управленческой модели лежит предпосылка о том, что изменения носят дополнительный характер¹.

Цифровизация в Финляндии широко отражена во всех моделях реформы нового государственного управления (НГМ), которые включают модель рынка, модель гибкого правительства, модель дерегулирования правительства, модель участия, модель государства и модель электронного управления. Модель рынка, как считалось, предусматривает, что допущения модели частного сектора являются лучшими способами управления государственным сектором, где цифровые инструменты повышают эффективность². В 1990-е гг. Финляндия активно участвовала в проникновении Интернета и занимала лидирующие позиции по этому показателю в мире. В начале 2000-х гг. и в последующие годы, когда на повестке дня стоял вопрос об электронных услугах, Финляндия одной из первых выделила это направление как самостоятельное и активно начала оцифровывать госуслуги. В 2015 г. был принят Национальный план действий, который стимулировал этот процесс в направлении рыночной ориентации внедрения цифровых технологий: «Четкие структуры и процессы в дополнение к ориентации на клиента являются целью крупных реформ»³. Кроме того, задача заключалась в том, чтобы вовлечь молодых людей в цифровое участие; в этой связи стали исполь-

¹ *Chadwick A., May C.* Interaction between States and Citizens in the Age of the internet: 'e-Government' in the United States, Britain, and the European Union // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2003. Vol. 16, No. 2.

² *Osifo O. C.* Examining digital government and public service provision : the case of Finland // 2018 41st International Convention on Information and Communication Technology. Electronics and Microelectronics (MIPRO). Opatija, 2018. URL: <https://doi.org/10.23919/MIPRO.2018.8400242>.

³ Finland. Open Government Action Plan 2015–2017. URL: https://www.opengovpartnership.org/wp-content/uploads/2001/01/OGP_Action_Plan_Finland-2015_2017.pdf.

зоваться различные электронные способы участия в принятии решений и голосовании. Финляндия является лидером в области цифровых технологий, занимая 1-е место из 28 государств-членов ЕС с результатом 72,3 балла в Индексе цифровой экономики и общества (DESI) 2020 г. Судя по данным, предшествующим пандемии, ее ведущие показатели обусловлены высокими показателями в области цифровых технологий предоставления услуг, интеграция цифровых технологий благодаря активному сотрудничеству между государственным и частным секторами и активным стартапам. Ее человеческий капитал является одним из его сильнейших конкурентных преимуществ, поскольку 76% населения имеют базовые или выше базовых цифровых навыков, что значительно выше среднего показателя по ЕС (58%)¹.

Однако цифровые государственные услуги все же находились в центре административных преобразований. В связи с этим Финляндия предприняла шаги по реализации трех основных условий для современного рыночного производственного процесса и предоставления цифровых государственных услуг. Во-первых, значительная часть государственных услуг в области здравоохранения, налогов, открытия бизнеса и контроля, жилья, страхования и т. д. подверглась цифровизации и стала доступной практически для всех граждан страны. В области цифровых государственных услуг Финляндия занимает 4-е место среди стран ЕС, что намного выше среднего показателя по ЕС. Это в первую очередь благодаря большому количеству пользователей электронного правительства. Взаимодействие между государственными органами и общественностью в режиме онлайн является высоким: 94% финских интернет-пользователей получают услуги электронного правительства, что на 2 процентных пункта больше, чем в прошлом году. Страна показывает хорошие результаты также в отношении доступности предварительно заполненных форм, заполнения онлайн-сервисов и открытых данных. Финляндия значительно расширила масштабы предостав-

¹ Digital Economy and Society Index (DESI) 2020. Finland: European Commission, 2021. P. 3.

ления цифровых услуг предприятиям с показателем, который вырос на 6 процентных пунктов по сравнению с прошлым годом¹. Хотя здесь есть определенные проблемы (7% граждан в 2018 г. испытывали трудности с доступом к цифровым сервисам), однако по цифровому оборудованию Финляндия вышла на одно из первых мест в мире. Во-вторых, большое место в цифровизации заняли вопросы внутренней правительственной совместимости, цифровой коммуникации между различными ведомствами и министерствами. Этот процесс также рассматривался с точки зрения снижения административных расходов и повышения общей эффективности государственного управления. В-третьих, новая совместная экономика, повышающая уровень соучастия в предоставлении государственных услуг и сотрудничества бизнеса и государства в развитии экономики страны.

Все эти процессы поддерживаются пятью крупными цифровыми порталами²:

Suomi.fi. Веб-сервис для граждан, организаций и компаний. Веб-сервис Suomi.fi – это общенациональный сервис для граждан, предпринимателей и чиновников. Он объединяет информацию и услуги, связанные с государственными услугами для граждан и предприятий, по одному адресу. Он предоставляет, например, официальные электронные услуги, формы и информацию о муниципальных услугах.

Demokratia.fi. Портал электронного участия. Demokratia.fi – это портал, который собирает информацию с различных сайтов, связанных с демократией, и новости в области принятия политических решений. Таким образом, сайт облегчает гражданам поиск лучших каналов для участия и влияния, а также повышает прозрачность и взаимодействие с правительством.

Paikkatietoikkuna.fi. Портал геоданных. Paikkatietoikkuna – это национальный портал, представляющий пространственные данные, созданные и используемые в финском обществе. Он осно-

¹ Digital Economy and Society Index (DESI) 2020. Finland: European Commission, 2021. P. 12.

² Digital Economy and Society Index (DESI) 2020. Finland: European Commission, 2021. P. 21–22.

ван на программном обеспечении с открытым исходным кодом и предлагает возможность через окно карты просматривать десятки уровней карт, созданных различными организациями, по разным темам, таким как рельеф, почва и землепользование, а также транспортная сеть.

Opendata.fi. Открытые данные и инструменты взаимодействия. Opendata.fi – это сервис для обмена открытыми данными и развития взаимодействия организаций государственного управления. Opendata.fi доступен для всех, кто хочет пользоваться открытыми общедоступными информационными ресурсами. Компаниям и гражданам разрешено хранить открытые данные в сервисе. Сервис содержит метаданные открытых наборов данных, а также инструменты взаимодействия, описания и рекомендации.

Рынок труда Финляндия. Job Market Finland (Työmarkkinatori) – это онлайн-сервис для рынка труда. Он объединяет работу и компетентность, а также государственных и частных субъектов. Это подразделение платформ службы занятости, помогающее заполнить вакансии и позволяющее найти возможности трудоустройства. Он также предоставляет услуги и информацию о жизненных ситуациях.

Финская система организации цифрового государственного управления включает три уровня организации внедрения цифровых технологий в публичное пространство, предоставления цифровых услуг и взаимодействия с хозяйствующими субъектами. Он включает в себя политический уровень разработки целей политики и программных регуляторов, исполнительный уровень реализации программы или управления государственной политикой цифровизации, а также операционный уровень, предназначенный для конкретных проектов и управления ими. На каждом уровне есть свои акторы, а также процедуры и механизмы взаимодействия. Уровни взаимосвязаны общими принципами нового государственного управления и его трансформации за счет цифровизации и ориентации менеджмента на мобильное и многоканальное взаимодействие между государством, бизнес-структурами и гражданами.

Гибкое управление выступает здесь как основная модель системы, построенной на цифровизации. В то же время, если мы

возьмем за основу идеологические установки этого менеджмента, то мы четко увидим ориентацию на маркетинговую и экономизацию взаимодействий. Основным документом для понимания методологий Agile и принципов управления проектами Agile является Agile Manifesto¹. В манифесте признается, что процессы и инструменты разработки программного обеспечения имеют определенную ценность. В нем четко указано, что наибольшая ценность существует в людях и взаимодействиях: «люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов», «рабочее программное обеспечение важнее исчерпывающей документации», «сотрудничество с клиентами важнее переговоров по контракту» и «реагирование на изменения важнее выполнения плана». В то же время ценностная оценка этих условий, факторы взаимодействия определяются скорее рынком, о чем свидетельствует понимание основного взаимодействия как отношений между покупателем и продавцом, потребителем и производителем. Очевидно, что успех проекта в целом должен определяться удовлетворенностью клиента и ценностью, которую проект приносит ему: «Наш главный приоритет – удовлетворить клиента за счет своевременной и непрерывной поставки ценного программного обеспечения»². Неслучайно управление портфелем и экономическая модель альянсов лежат в основе управления проектами по внедрению цифровизации в государственном управлении³.

Для Финляндии характерно широкое сотрудничество во взаимодействии центрального и местного уровней в процессе цифровизации государственного управления. Например, хорошо известны усилия по цифровизации городского управления в таких городах, как Тампере⁴. Платформы, такие как Koklaamo – платформа совместного творчества, в которой участвуют местные жители, нацелена на предоставление конкретных решений для

¹ См.: URL: <https://agilemanifesto.org/>.

² См.: URL: <https://agilemanifesto.org/principles.html>.

³ Teemu L. Digitalizing Finland: Governance of Government ICT Projects. Acta Universitatis Ouluensis. С Technics, 2019.

⁴ Haveri A., Anttiroiko A.-V. Urban platforms as a mode of governance. International Review of Administrative Sciences, 2021.

конкретного района города Тампере; Demola – транснациональная инновационная платформа, первоначально созданная в Тампере, которая сопоставляет инновационный потенциал студентов с потребностями местного бизнеса; и, наконец, Helsinki Region Infoshare (HRI) – платформа данных с ее бесплатным общерегиональным каталогом открытых данных, созданная городами столичного региона Хельсинки, служит развитию городского управления.

Тем не менее, здесь также отмечается маркетингизация развития городских платформ: «Фактически, правдоподобный способ концептуализации управления платформой – это рассматривать ее как гибрид в том смысле, что ее правила и внутреннее управление создателя платформы основаны на иерархии; его ориентация на открытый доступ и объединение больших масс пользователей с помощью функций поиска партнеров приближают его к рыночному механизму; и связи между создателем платформы, производителями и экосистемой в целом напоминают сетевую логику. Что касается основных форм управления, кажется, что платформы можно охарактеризовать как рыночные сети или сетевые рынки»¹.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Если в предыдущих подходах к цифровизации публичного пространства и государственного управления в Сингапуре и Финляндии четко просматривались технократические и рыночные идеологические установки, которые составляют основу политики цифровизации и определяют сетевое пространство взаимодействия, то в Эстонии этот процесс, хотя и принимает некоторые характерные черты внедрения ИКТ в публичную сферу, однако приобретает ярко выраженный характер приверженности элит и общества национальному контексту. В этом отношении «мы рассматриваем использование технологий как социально

¹ *Haveri A., Anttiroiko A.-V.* Urban platforms as a mode of governance. *International Review of Administrative Sciences*, 2021. P. 16.

сконструированные: человеческие действия формируют технологию»¹.

Действия человека в этом смысле заключались в том, что Эстония начала использовать цифровизацию как значимый фактор национальной идентичности в новых условиях. Цифровизация рассматривается как многообещающая модель для объединения традиций и перспектив; более того, это трактуется как долговременная тенденция, родственная национальному характеру. Он сочетает в себе природу и культуру эстонского народа, и новая идентичность начинает восприниматься как «эко-цифровая»². Неслучайно эстонский язык изображается в таком единстве. Как выразился автор бестселлеров Вальдур Микита, «настоящий эстонец держит в одной руке Skype, а в другой – небольшой грибной нож»³. Это также заметно в дизайне цифровых платформ, где обязательно присутствует естественный компонент в единстве с цифровой перспективой. В этом смысле культурные ценности цифровизации начинают выходить на первый план по сравнению с ее технологическими и экономическими моментами. «Хотя реализация проекта в основном была сосредоточена на целях, связанных с бизнесом, способы, которыми идеи «виртуального государства» и «виртуального гражданства» были концептуализированы в национальных политических документах и доведены до различных аудиторий, флиртуют с концепциями и риторически дискутируют свою государственность, гражданство и территориальность. Эта концепция, направленная на привлечение 10 миллионов электронных жителей или «электронных эстонцев», которые «расширили бы в цифровом виде» страну, в которой в настоящее время проживает 1,3 миллиона человек, подразумевает потенциальную напряженность между коммерче-

¹ *Souto-Otero M., Beneito-Montagut R.* From governing through data to governmentality through data: Artefacts, strategies and the digital turn // *European Educational Research Journal*. 2016. Vol. 15 (1). P. 15.

² *Annus E.* A Post-Soviet Eco-Digital Nation? Metonymic Processes of Nation-Building and Estonia's High-Tech Dreams in the 2010s // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2020. Vol. XX, No. X.

³ *Mikita V., Kerge R.* Intervjuu: Eesti märk peaks olema // *Igav liiv ja tühi väli. Eesti Loodus*. 2017. No. 3. P. 46.

ской логикой национального брендинга и политическими и культурными факторами логического обоснования национального государства»¹. Такую ориентацию на цифровизацию можно объяснить пятью ее нарративами, которые используются в легитимации национальной стратегии цифровизации: свежая перспектива; радикальное, реформирующее и меняющее отношение к делу; северный темперамент и окружающая среда; естественный ресурсный самозавод; европейское общество².

В Эстонии есть несколько программ в области внедрения ИКТ в публичное пространство. Ориентируясь на формирование эстонского электронного общества, уже в начале 1990-х гг. была принята финансируемая государством программа «*Прыжок тигра*», которая была направлена на обеспечение эстонских школ современными компьютерами и доступом в Интернет. Этот проект, конечно, затронул не только эстонские школы, но и распространился на важные культурные и технологические составляющие всего эстонского общества. В связи с общей тенденцией реформирования государственного управления под флагом нового государственного менеджмента и использования ИКТ для эффективного управления Эстония предприняла ряд прорывных шагов в области электронизации: (1) в 2001 г. была разработана *технологическая платформа X-Road* для интеграции систем общественной информации; она создала основу национальной цифровой инфраструктуры и стала значимой для дальнейшего развития государственных и частных электронных услуг в различных сферах жизни общества; (2) в 2002 г. была создана *национальная система удостоверений личности* (98% эстонцев имеют ID-карту; электронные подписи экономят 2% ВВП ежегодно); (3) в 2005 г. *система онлайн-голосования* начинает использоваться на муниципальных выборах, а в 2007 г. на

¹ *Tammpuu P., Masso A.* Welcome to the virtual state': Estonian e-residency and the digitalised state as a commodity // *European Journal of Cultural Studies*. 2018. Vol. 21 (5).

² *Papp-Váry Á. F.* A Successful Example of Complex Country Branding: The 'E-Estonia' Positioning Concept and Its Relation to the Presidency of the Council of the EU. *Acta Univ. Sapientiae // European and Regional Studies*. 2018. Vol. 14.

парламентских выборах; (4) в 2013 г. Министерство экономики и коммуникаций предложило национальную стратегию развития ИКТ «*Цифровая повестка 2020 для Эстонии*»; (5) в 2014 г. правительство Эстонии разработало *Посольства виртуальных данных* – проект с целью обеспечения функционирования публичных сервисов на базе единого государственного облака и обеспечения безопасности на базе удаленных серверов в случае кибератак или иных чрезвычайных ситуаций; (6) в целях привлечения иностранных предпринимателей и инвестиций, начиная с 2013 г. начинает развиваться *система электронного гражданства*, что активно используется с 2014 г. в форме программы «10 миллионов эстонцев к 2025 году»; (7) в 2017 г. была принята *дорожная карта бесшовных услуг*, направленная на проактивную государственную службу, реагирующую на жизненные события с минимальной бюрократией; (8) *Правительственная стратегия ИИ* (2019) был выдвинута в качестве подробного стратегического плана по продвижению внедрения решений ИИ в государственном и частном секторах; (9) в 2020 году стала работать *проактивная система ухода за детьми*, соответственно, когда ребенок рождается, соответствующая регистрационная запись активирует все следующие услуги, и семья автоматически получает все льготы, на которые она имеет право¹.

Интересны конструктивные принципы политики цифровизации, которые лежат в ее основе в Эстонии и которые подчеркивают ориентацию политики идентичности на созидание / конструирование, а не на заимствование. Во-первых, явно наблюдается ориентация на использование новейших технологических разработок, ограничение их сроком не более 13 лет. Во-вторых, мы можем проследить стимулирование создания, а не покупки технологий, которые образуют систему стартапов в технологическом развитии. В-третьих, есть тенденция к децентрализации политики цифровизации, включая государство и бизнес в этот процесс. В-четвертых, система политики цифровизации ориен-

¹ Margetts H., Naumann A. Government as a Platform: What Can Estonia Show the World? 2017. URL: <https://www.politics.ox.ac.uk/publications/government-as-a-platform-what-can-estonia-show-the-world.html> (Accessed 12 May, 2018).

тирована на функциональную совместимость и безопасность, опираясь на плюрализм источников информации и различных баз данных. Пятое, учет ответственности государственных структур за развитие информационной инфраструктуры, исходя из специфики ее формирования, с учетом контекста. Связь цифровизации с национальным и глобальным контекстом позволила добавить к исторической Эстонии современную электронную: «В начале 2000-х годов возникла еще одна идея изменить название страны: Эстония должна стать E-stonia! Отправной точкой было то, что правительство осознало, что в Эстонии есть только леса, лесная промышленность и некоторое машиностроение, но последнее не слишком конкурентоспособно. Поэтому они определили новые области, включая электронику и информационные технологии, как возможный выход»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровые технологии, как показывает история их использования в различных странах, обладают трансформационным потенциалом в том смысле, что они используются не только как средство повышения эффективности, но и формируют новые отношения. Они действуют не только как передатчики усилий, но как посредники в новом конструировании социальных условий. Это воплощение проявляется не напрямую, а в системе социотехнических ассамблежей, возникающих в процессе современной цифровизации публичного пространства. Технологические возможности, присущие новым технологиям, приводят к важным изменениям в государственном управлении, вызывая горизонтализацию отношений, детерриториализацию коммуникации и использования, а также виртуализацию коммуникации и предоставления услуг. В современных схемах административных реформ под флагом цифровизации три процесса выражаются в различных направлениях и конструкциях, выражающихся в

¹ *Papp-Váry Á. F. A Successful Example of Complex Country Branding: The 'E-Estonia' Positioning Concept and Its Relation to the Presidency of the Council of the EU // Acta Univ. Sapientiae, European and Regional Studies. 2018. Vol. 14. P. 97.*

децентрализации, создании широких сетей управления и бесконтактном взаимодействии, которое порождает сотрудничество и взаимность. Однако эти изменения в государственном управлении и публичном пространстве можно рассматривать по-разному. Кто-то учитывает влияние независимых (цифровых технологий) на зависимые (результаты реформ) переменные, т.е. подчиняет свою деятельность цифровизации. Кто-то позволяет нам рассматривать происходящие изменения в перспективе создания особых социотехнических комплексов, подчиняющихся логике социальных ценностей и их революционной трансформации. Как показало исследование политики цифровизации и ее разработок в трех странах-пионерах цифровизации (Сингапуре, Финляндии и Эстонии), различные стратегии и конструкции для создания ассамбляжей в публичном пространстве и государственном управлении – технократических, рыночных и культурных – по-разному подчеркивают роль и значение цифровых технологий. Эти три стратегии подчиняются разным принципам организации общественного координационного пространства в совокупности – юзабилити для технократического подхода, коммодификации для рыночной ориентации и интерпретативной оценки национальных ценностей в культурной ориентации дизайна.